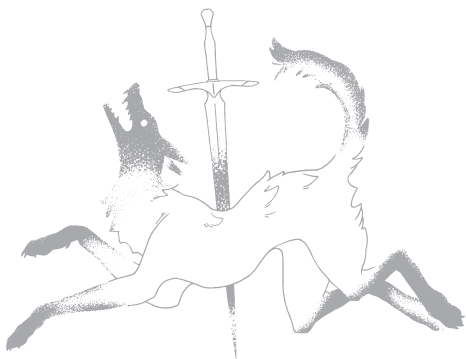

Копирование, тиражирование и распространение материалов,
содержащихся в книге, допускается только с письменного
разрешения правообладателей.

ЛАУРА БЕГА

БАГРОВЫЙ СНЕГ

*Sugar
Love*

Москва

2027

*Всем, кто отправился в путь по зову
разбитого сердца и бродит призраком
в собственной истории, — знайте, это лишь
начало вашего приключения. Помните: даже слезы
могут превратиться в бабочек.*

**ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ**

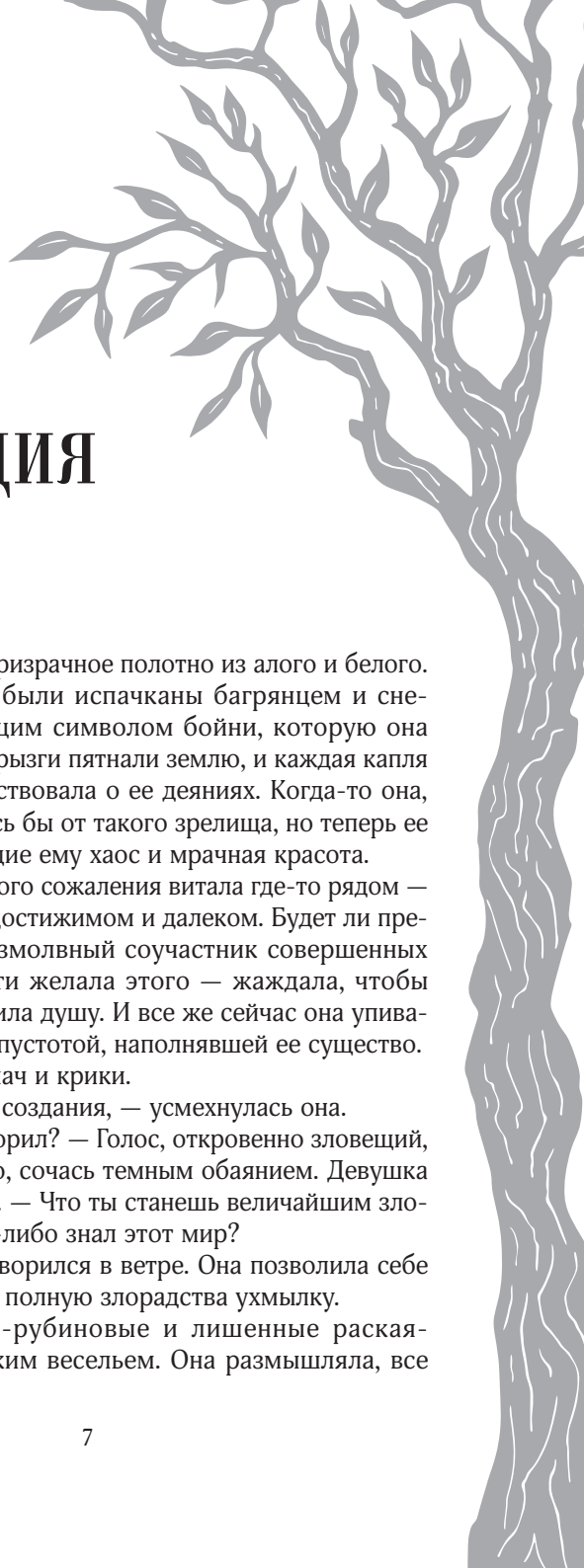
**СКАЗАНИЕ О БАГРОВОЙ
ЛИСИЦЕ И НЕНАСЫТНОМ
ВОЛКЕ**

*В краю, где багрянец сплелся с тенями,
Лисица белая пляшет отчаянно.
Рождена ли для крови и мрака кромешного,
Или Волк одинокий увлек ее в грешное?
Что, если алый — лишь лик обольщенья,
А в бездне таится иное значенье?
Может, Лиса, мелькнув в полутьме,
Сама замышляет игру в этом сне?
Кто виноват в игре роковой —
Судьба или волк с душой ледяной?
Иль хитрость ее, что опасней клинков,
И тк т паутину из крови и оков?*

*Из «Золотых сказаний Иномирья»
Гейлена Сорроуспринга, гл. 5, стр. 78*

ПРЕЛЮДИЯ

Мир укутался в призрачное полотно из алого и белого. Руки девушки были испачканы багрянцем и снегом — леденящим символом бойни, которую она устроила. Кровавые брызги пятнали землю, и каждая капля безмолвно свидетельствовала о ее деяниях. Когда-то она, возможно, отвернулась бы от такого зрелища, но теперь ее завораживали присущие ему хаос и мрачная красота.

Тень бесхитростного сожаления витала где-то рядом — на краю сознания, недостижимом и далеком. Будет ли преследовать ее этот безмолвный соучастник совершенных поступков? Она почти желала этого — жаждала, чтобы однажды вина отяготила душу. И все же сейчас она упивалась успокаивающей пустотой, наполнявшей ее существо.

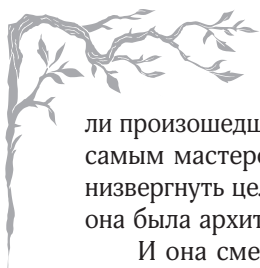
Вдали звучали плач и крики.

— Какие жалкие создания, — усмехнулась она.

— Разве я не говорил? — Голос, откровенно злобещий, проскользнул ей в ухо, сочась темным обаянием. Девушка узнала его мгновенно. — Что ты станешь величайшим злодеем, которого когда-либо знал этот мир?

Затем голос растворился в ветре. Она позволила себе широкую, бесовскую, полную злорадства ухмылку.

Ее глаза, темно-рубиновые и лишенные раскаяния, сверкали жестоким весельем. Она размышляла, все

ли произошедшее было лишь для того, чтобы она стала тем самым мастером манипуляций, которому суждено вновь низвергнуть целые миры. Она была не просто злодейкой — она была архитектором их падения.

И она смеялась, потому что никто, кроме нее, этого не знал.

Девушка услышала, как часы возобновили свой мертвый ход. Так начался отсчет для них. Для него. Впервые ей понравился этот звук — шум времени, гул пустоты и хаоса.

ГЛАВА 1

БЕЛАЯ ЛИСИЦА

*Средь белых снегов, где ветер поет,
Бродила лиса — одинокая, умная.
В царстве холодном кралась через лед,
Жаждая встречи, но страх был безумный.*

*Лес для нее убежищем стал,
Тот, где холодно звезды мерцали,
И там предавалась лисица мечтам,
О тепле, что у нее отобрали.*

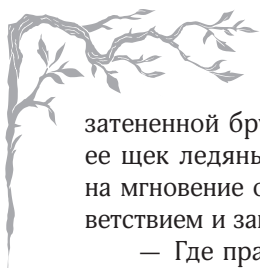
*Из сборника «Великая история любви Белой Лисицы»
Иллиры Эвердон, гл. 1, стр. 5*

*Добро пожаловать в Стылый Приют!
Где под вечным льдом застыл город, замерший
в шепотах и обмороженных тайнах. Хранимый древним
Бранноном и мудрой Огмой. Место, в котором правят
справедливость и правосудие.*

*Наслаждайтесь прогулкой среди мозаики ледяных
улыбок и скрытых взглядов исподтишка.*

**За пять дней до инцидента
Серафина Эшкрофт**

Серафина неслась по темным переулкам Стылого Приюта, ее багровый плащ был разорван, а тяжелое коричневое платье с меховой оторочкой резко выделялось на фоне

затененной брусчатки и снега. Холодный воздух касался ее щек ледяными поцелуями. Пробегая по улицам, она на мгновение остановилась, взглянула на табличку с приветствием и закатила глаза.

— Где правят справедливость и правосудие, — прочитала она с издевкой, прекрасно зная, что город далек от справедливости. Может, стоит это зачеркнуть?

«Где ложь и обман диктуют правила, а коварные улыбки подстерегают за каждым углом», — звучало куда правдивее.

Город представлял собой печальное зрелище. Каменные здания трескались, земля была серой и безжизненной, и все вокруг год за годом приходило в упадок. А еще здесь стоял особый запах. Не отвратительный, но неприятный — будто что-то гнило изнутри. И, возможно, так оно и было. Может, они все гнили. Стылый Приют был проклят вечной зимой.

Пока Серафина обожала снег, люди молились Древнему Браннону, защитнику всех человеческих земель — не то чтобы он сделал что-то для этого города — в надежде на проблеск тепла. Иронично, учитывая, насколько холодными были они сами. Горожане — безжалостные, непоколемые, как мороз, сковывающий улицы. Часто жестокие. Иногда — к миру. Но в основном — по отношению к ней.

Хотя Серафина и отрицала это даже перед собой, она жаждала принадлежать этому месту, чтобы ее наконец приняли и признали своей. Но они никогда этого не делали. *И не сделают.*

Большинство видело в ней дурное предзнаменование, символ бед и хаоса — и все из-за ничем не подкрепленных слухов о ее «природе».

Для нее этот город был скорее тюрьмой, чем домом. Тюрьмой, где ее держали за решеткой из лжи и осуждающих взглядов.

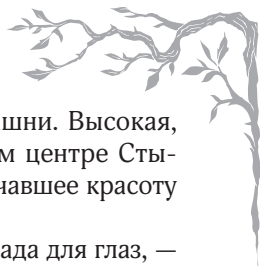
тик-так

тик-так

тик-так

тик-так

Серафина остановилась у часовой башни. Высокая, величественная, она возвышалась в самом центре Стилого Приюта, — единственное здание, излучавшее красоту и жизнь.

— Вы, мои дорогие часики, просто отрада для глаз, — прошептала она, почти ожидая, что древняя башня ответит.

А почему бы и нет? Она видела и не такое.

Но по-настоящему ее остановило другое — ощущение, словно за ней следят. Быть может, это луна. Или нечто куда более зловещее. «*Надеюсь, что второе*», — с саркастической усмешкой подумала Серафина.

— Стесняешься, да? Ну же, покажись, — дразнила она пустоту, оставляя башню позади.

динь-дон

динь-дон

динь-дон

динь-дон

Часы пробили полночь.

— Во имя Браннона! — воскликнула Серафина, пораженная, как много времени уже прошло.

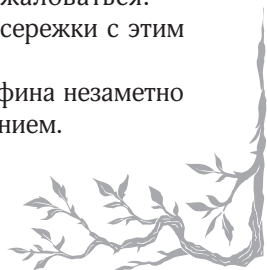
Она совсем потеряла ему счет, пока работала на площади Ледяной Пелены. Обычно ее задачи были просты — расчистить снег, разделать рыбу — работенка, от которой другие отказывались. Пусть хозяева заведений нанимали ее неохотно, справлялась она быстрее всех.

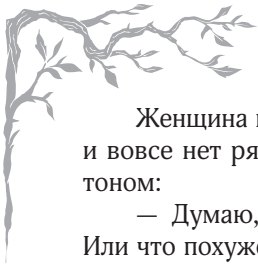
Однако сегодня все было иначе.

Разговор, подслушанный в ателье мистера Элайи, привлекал ее внимание.

— Должно быть, я проклята, — заявила портному молодая женщина лет двадцати. Она была закутана в облегающее кремовое платье с чрезмерным количеством меха на манжетах и подоле, отчего напоминала белого медведя. Поправляя блестящие светлые волосы и демонстрируя жемчужное ожерелье, она продолжала жаловаться: — Я должна была надеть самые прекрасные сережки с этим платьем на бал у Рэйтвуда.

Натянув капюшон и скрыв лицо, Серафина незаметно разбирала новые ткани, сливаясь с окружением.

Женщина понизила голос, делая вид, будто Серафины и вовсе нет рядом, и шепнула портному заговорщицким тоном:

— Думаю, всему виной одно из тех существ... брауни. Или что похуже... может, пука.

Серафина натянула капюшон еще глубже и стиснула зубы, чтобы не расхохотаться.

Брауни? Чуть собачья.

Большинство людей не видели существ из Иномиря — ни брауни, ни пуку, ни мерроу — со времен Великой войны и создания Завесы.

Немера, Древняя хаоса и природы, теперь правила Иномирем — пространством, где уживались кошмарные и дивные создания. Среди этих существ встречались и эфемерная красота моря с ясным небом, и омерзительная скверность заплесневелого хлеба, и пугающая мощь штормов. Все они давно стали сказками.

Вроде нелепицы, что наплела эта женщина. Ей бы почитать что-нибудь полезное.

Всегда учтивый мистер Элайя любезно улыбнулся даме.

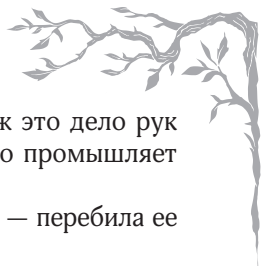
— О, но зачем кому-то поступать так с прекрасной леди?

Он, едва сдерживая смех, скорчил гримасу Серафине за спиной клиентки, явно желая поскорее закончить этот разговор.

— Из зависти, возможно? Кто-то хочет, чтобы я выглядела плохо на балу. Вы же знаете, Эврен Рэйтвуд как-то сказал, какие у меня прекрасные сережки! — воскликнула она, театрально прижимая руку к груди с напускным страданием. — Такая благородная дама, как я... преследуемая существами... О, это мучение состарит меня раньше времени!

На этот раз Серафина не смогла сдержать смех, столь абсурдной ей показалась ситуация. Женщина уставилась на нее, ошеломленная такой реакцией.

— Видите ли, — прокашлявшись, пояснила Серафина, — ни один уважающий себя брауни не опустил

бы до таких нелепых проделок. Скорее уж это дело рук какого-нибудь малоизвестного жулика, что промышляет мелкими побрякушками вроде сережек.

— Мелкими побрякушками, говорите? — перебила ее женщина, делая шаг вперед.

— Ну да, понимаете...

Не дав Серафине договорить, та вцепилась в ее плащ.

— Если собираетесь оскорблять мои вещи, делайте это открыто! — прошипела она.

Серафина лишь улыбнулась, когда женщина сорвала с нее капюшон. *Ну вот.*

Элайя зажмурился, мысленно моля о спасении. Во взгляде женщины блеснуло опасное узнавание.

— Что ж, тебе ли не знать, да? Ты не лучше них, такая же чудовищная тварь, — выпалила женщина.

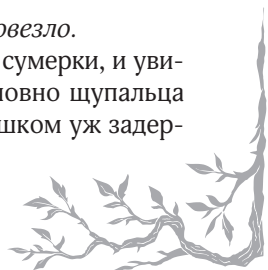
Проблеск страха, мелькнувший на ее лице, мгновенно скрылся — но не раньше, чем Серафина успела его заметить. Часть ее наслаждалась этим моментом — ужасом, что она внушала. Глубоко внутри она порой задавалась вопросом: может, она действительно ближе к ним, к существам, нежели к людям?

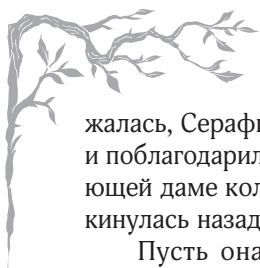
Окруженная платьями и тканями, под осуждающим взглядом женщины, она подумала об Ауруме, Древнем смерти. Владыке Подземья, чей багровый взор был так похож на ее собственный. Его имя упоминалось лишь шепотом да на страницах запрещенных книг. Возможно, именно эти легенды стали причиной того, что с самого рождения ее считали темным предзнаменованием. И все же, вопреки молве, она оставалась просто-напросто человеком — проклятым необычными глазами и привычкой говорить неудобные правды перед совершенно невыносимыми людьми.

— О, я знаю, — ответила Серафина, и ее губы тронула кривая усмешка, а взгляд скользнул к жемчужному ожерелью на шее женщины.

Что ж, сегодня тебе не так уж не повезло.

Она посмотрела в окно, где сгущались сумерки, и увидела, как по площади Ледяной Пелены, словно щупальца мрака, протянулись тени. Осознав, что слишком уж задер-

жалась, Серафина собрала скудные крохи, что ей платили, и поблагодарила портного. Швырнув напоследок раздражающей даме колкое словцо — от которого та едва не опрокинулась назад — она развернулась и вышла из лавки.

Пусть она и опаздывала, зато краденое ожерелье теперь плотно обвивало ее запястье. Холод камней смешивался с приятным чувством восстановленной справедливости.

— Брауни? — прошептала она в ночь, и слова растворились в тумане. — Я куда искуснее.

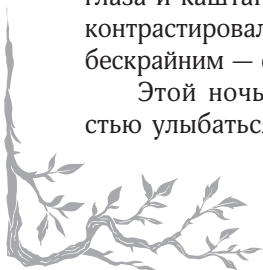
Когда Серафина миновала городскую окраину, она ступила в Плачущий Лес, где деревья походили на седые скелеты, покрытые изморозью. Охотники, включая ее отца — Леандра Эшкрофта, — рассказывали, будто слышали, как меж древних стволов стонут банши. Отец предостерегал ее: не стоит идти через этот лес с темным сердцем, иначе можно оказаться в объятиях теневых странников, пожирателей душ и костяных певцов. Но Серафина так никого и не встретила. *Может, мое сердце еще не совсем очернилось? Пока что.*

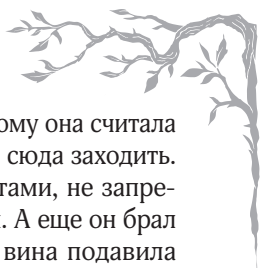
Хруст ветки под ногой заставил ее пульс ускориться. Серафина раздраженно закатила глаза — она поддалась глупым страхам из отцовских баек.

— *Дурацкие ночные детские страшилки,* — прошептала она. И все же знала: иногда кошмары оказываются реальными. Как плач банши. Как она сама.

Продвигаясь сквозь искрящийся снег, она уловила хвойный аромат. Серафина глубоко вдохнула, сбросила капюшон и подставила лицо лунному свету. Ее багровые глаза и каштановые пряди, трепещущие на ветру, резко контрастировали с белизной снега. Звездное небо казалось бескрайним — словно ее тоска по свободе. *Когда-нибудь...*

Этой ночью она наслаждалась покоем, возможностью улыбаться, не скрываясь под капюшоном. Никаких

опасливых взглядов и страха. Возможно, поэтому она считала лес своим убежищем. Мало кто осмеливался сюда заходить. Но отец, понимавший ее связь с этими местами, не запрещал ей вылазки и заставил заучить все тропы. А еще он брал на себя последствия ее поступков. Острая вина подавила теплые мысли. Пора двигаться дальше, если она хочет успеть.

Ускорив шаг, Серафина заметила кружащиеся снежинки.

— Какой прекрасный танец, — прошептала она, наблюдая за их падением, пока петляла между деревьями.

Ее путь напоминал четкие па балетного танцора — хотя не то чтобы ей когда-нибудь доводилось их лицезреть. Влево — под узловатые сучья хмурого дерева, вправо — вдоль хрупких, покрытых инеем кустов. Обходя участок с разбросанными ледяными шипами, она грациозно прыгнула в сторону — легко, точно кружащаяся снежинка.

Тихо пробравшись в глухую часть леса, Серафина остановилась у одинокого дерева. Для случайного путника это был всего лишь еще один ствол, изуродованный суровыми зимами. Но для нее — врата.

— Ты снова опоздала, — упрекнуло дерево, вернее, Страж Порога; его голос раздался из древней коры. Стражи, хранители миров, дверей и тайн, обычно принимали облик деревьев, сливаясь с окружением. На узловатой коре этого был вырезан лик — завораживающий и тревожащий.

— Не настолько, чтобы застать тебя спящим, — парировала Серафина. — Погоди, ты что, ждал меня? Тронута. — Ее голос сочился сарказмом.

Дерево — или то, что в старой древесине можно было принять за лицо, — скривилось.

— Неблагодарная мелочная зараза, проходи уже. Я спать хочу, — проворчал страж, и в его обычно невозмутимом голосе послышалось раздражение.

Бросив последний взгляд на стража, Серафина шагнула вперед, пересекая порог под сводом ветвей. И в тот же миг мир перевернулся.

Вверх тормашками.

